

Хавемова Дуана У.

Сквозь меня
к тебе

Диана И Хаметова

СКВОЗЬ ТЬМУ К ТЕБЕ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72119602

SelfPub; 2025

Аннотация

История о Мари, молодой девушке, чья жизнь разделилась на "до" и "после" из-за трагического события. Всё начинается с её признания об убийстве человека. Но кто на самом деле виноват в этой смерти?

Мари пытается найти смысл в своей жизни после пережитого кошмара. Её путь к исцелению полон боли, страхов и встреч с призраками прошлого, включая Марту – жертву, чья тень преследует её. Однако судьба сводит Мари с Аланом – загадочным незнакомцем, который, кажется, понимает её боль лучше, чем кто-либо.

Эта книга – о вине и прощении, о любви к жизни и ненависти к себе, о том, как самые тёмные моменты могут привести к свету. История Мари заставляет задуматься о том, насколько хрупка грань между героем и жертвой и как важно найти того, кто поможет снова увидеть мир в красках.

Для любителей психологических драм, глубоких персонажей и историй, которые остаются в сердце.

Содержание

Глава 1. Мари	4
Глава 2. Мари	7
Глава 3. Мари	17
Глава 4. Мари	23
Глава 5. Мари	30
Глава 6. Мари	37
Конец ознакомительного фрагмента.	53

СКВОЗЬ ТЬМУ К ТЕБЕ

Глава 1. Мари

Моя история началась с того дня, когда я убила человека. Тогда жизнь разделилась на «до» и «после». Мне хотелось бы вернуться к истокам и познакомить вас со мной и моей жизнью: надеюсь, это поможет вам лучше понять меня.

Я росла в семье, в которой существовал принцип свободы слова, родители поддерживали меня всегда и во всем. Мы жили в уютном доме, в котором у каждого был свой личный уголок. С моей сестрой Элен у меня были те самые отношения, о которых многие мечтают. Несомненно, все дело в воспитании: мы уважали друг друга и никогда ни за что не осуждали, потому что обе знали: каждый волен делать со своей жизнью то, что желает.

Внешне мы отличались: у сестры были светло-рыжие волосы, о которых я мечтала в детстве, небесно-голубые глаза и невероятно привлекательные пухлые губы. Мне очень нравилась ее внешность, признаться честно, в подростковом возрасте я часто задумывалась о том, как родные сестры могут так сильно отличаться.

Мне тоже хотелось быть симпатичной, но я не отличалась красотой – по крайней мере, я так считала. Мои длинные волнистые волосы были цвета крошечной тьмы. Я предпо-

лагала, что у природы закончилось вдохновение на моменте создания меня, поэтому ей даже не хватило фантазии на выбор цвета моих волос: они по умолчанию остались черными. Губы у меня не были пухлыми, но и тонкими их было не называть. Единственное, что мне в себе нравилось, – это глаза. Они были зеленого цвета. Но я нечасто признавалась себе в этом, да и вообще не особо любила заострять внимание на внешности. Мне совсем не нравилось то, как я выгляжу. Со временем я стала спокойнее относиться к себе, но ни о какой любви речи быть не могло – я просто приняла тот факт, что не являюсь красавицей.

Характер у меня был спокойный – довольствовалась тем, что имела. Я любила природу, книги, уединение и свою работу в театре. Чаще всего я играла второстепенные роли, и меня это устраивало, но больше нравилось участвовать в постановке спектакля и решать организационные моменты.

На сцене я чувствовала себя свободной, и мне казалось это странным, ведь вокруг сплошная фальшь – придуманные люди, слова, эмоции. Все это ненастоящее, все это лишь фантазия одного человека. Но, может, именно поэтому так хочется прятаться за этой маской лжи? Ты превращаешься в другого, совершенно непохожего на тебя человека, и это дает тебе свободу действий.

Но нет, не все так категорично, как я говорю. Может, ситуации и нереальные, но всегда есть человек, который найдет себя в главном или второстепенном герое: он понимает

всю «выдуманную» боль персонажа, потому что его боль реальна.

Да, в маске всегда легче жить. Но в жизни происходят события, которые срывают маску и оставляют после себя лишь раны, и только ты решаешь их дальнейшую судьбу. Дашь ли ты затянуться им? Или будешь беречь, препятствуя заживлению и превращая их в уродливые шрамы, что не дают спокойно жить? И каждый раз дотрагиваясь до этих отпечатков прошлого, ты снова и снова будешь чувствовать пережитую боль.

В этом выборе заключается и моя история жизни. Если вы готовы вернуться со мной в прошлое, я начну.

Глава 2. Мари

– Ко мне сегодня придёт Эми, – сообщила я семье во время завтрака.

Эмити была для меня самой близкой подругой, мы познакомились в театре в мой первый рабочий день и с тех пор были очень дружны. Ее задачей в театре было написание сценариев и дальнейшее превращение их в постановку. Эми понимала меня, а я понимала ее. Мы доверяли друг другу все. Она была полной противоположностью мне начиная с характера, заканчивая ее семьей. В этом плане я ей совсем не завидовала: ее родители не были такими понимающими, как у меня. На самом деле, это очень печально, но к этому мы еще вернемся позже.

– Хорошо, – кивнула мама, – я приготовлю вам к чаю печенье.

Я подошла и обняла маму.

– Спасибо!

Моя мама была чудесной. Она выбрала для себя сложнейшую задачу – спасти жизни людей. Мама была врачом. Ее профессия ей очень подходила: она была чуткой, доброй и невероятно заботливой.

Моя младшая сестра внешне была похожа именно на нее. У мамы были светло-рыжие волосы, голубые глаза и красивая добрая улыбка.

Она часто ездила в командировки, и папа, бывало, составлял ей компанию – его профессия позволяла ему это делать: он был писателем. К слову говоря, мой папа был черноволосым статным мужчиной, чей цвет волос я унаследовала. А еще я взяла от него зеленые глаза, которые так в нем любила.

Вернемся к моей жизни.

Собираясь на работу, я выполняла свою утреннюю рутину: обязательно завтракала, собирала сумку, если успевала – могла совершить утреннюю пробежку. Краситься я не любила: мне казалось, что в этом нет смысла, потому что краше я не стану. А еще в то время мне казалось, что макияж – это обман. Зачем обманывать людей и показывать им вовсе не ту, кем являюсь на самом деле? Что тут говорить... тогда у меня было очень много категоричных мыслей, с которыми я жила... которые, по правде говоря, сильно усложняли мне жизнь. Я стремилась к совершенству, критерии которого мне и самой были неизвестны. Я просто всегда была недостаточно красива, умна, креативна...

Итак, вот я шла на работу. У меня была любимая привычка – слушать аудиокнигу во время дороги. Сегодня я слушала произведение Шарлотты Бронте «Джейн Эйр». По возможности, я старалась анализировать все, что слушала, и делать заметки в блокнот. Иногда для этого мне приходилось резко останавливаться или садиться на ближайшую скамейку. Я записывала фразы, которые могли зацепить или заставить задуматься.

– Привет, Мари! – Эми встретила меня у входа в театр.

– Привет! – Мы обнялись.

– Сегодня все в силе? После работы к тебе?

– Да, все в силе, – мы зашли в здание.

– Отлично. Думаю, сегодня нужно будет обсудить костюмы на выступление, осталось не так много времени до него.

– Полностью поддерживаю.

Эмити была среднего телосложения волосы светло-русые, глаза голубого цвета, губки маленькие, аккуратные и пухлые. Она любила красиво одеваться. Единственное, что выбивалось из ее стиля, – это разноцветные браслеты, которые она постоянно носила.

Наступил вечер, и мы решили, что на сегодня рабочий день окончен.

– Идем? – Я подошла к Эмити – она была занята разговором с одним из актеров.

Подруга взглянула на меня:

– Сколько времени?

– Семь вечера.

– Уже?! – Эми вскинула брови. – Я совсем забылась.

Она вручила папку с набросками костюмов актеру и сказала:

– Все, Тоби, основное я тебе сказала, остальное обсудим завтра.

Мы с Эмити наконец дошли до дома, и она с шумом упала в кресло.

– Не представляешь, как я устала, Мари, – вздохнула подруга и бросила сумку в угол, – просто ужас как устала.

– Что случилось? – обеспокоенно спросила я, хотя у меня были догадки, о чем пойдет речь.

– Понимаю, что я тебе уже надоела этими разговорами о семье... но я так не хочу держать это в себе: оно будто поедает меня изнутри. – Она положила руки на сердце.

– Ты знаешь, что я злюсь, когда ты так говоришь, – с притворной злобой сказала я, – ты можешь рассказать мне все что угодно. Я в любом случае тебя поддержу.

Эмити улыбнулась и положила голову мне на колени.

– Хотела бы я услышать эти слова от родителей. – На лице ее появилась грустная улыбка. – Если я вдруг снова расплачусь, не обращай внимания.

– Милая моя. – Я приобняла ее. – Расскажи мне каждую мелочь – все-все, что беспокоит твое сердечко.

Эми очень страдала. Она была таким человеком, который принимал все близко к сердцу. Очень ранимая, очень добрая и всепрощающая. Я восхищалась ею. Но она не видела тех качеств в себе, которые в ней разглядела я. Чаще всего она ругала себя за все, за каждую мелочь. Никогда и никого она не обижала: ей не позволяла ее огромная любовь к людям. А еще она понимала, каково это – испытывать боль, и ни в коем случае не хотела быть ее источником. Она стремилась сделать счастливыми всех вокруг.

Печально то, что больше всего боли она испытывала из-за

самых родных, казалось бы, людей – своих родителей. Они ее любили, но их взгляды на жизнь были настолько непохожи, что в доме у них царило полное недопонимание.

Еще ребенком она смотрела на ссоры родных и, прячась в потайном местечке, с надеждой ждала момент, когда все закончится. Она была очень чувствительна к крикам, которые сопровождали ее с детства.

– Знаешь, родители не хотят понять, что я уже нашла свое призвание, – начала подруга, – мой театр. Да я практически живу этим! – чуть ли не кричала она. – А еще я очень хороша в этом деле, ты и сама знаешь!

Я понимающе кивнула: это действительно так. Я играла в ее постановках и собиралась идти по стопам подруги – уже писала сценарий для своей первой сценки, но с Эмити никто не сравним: ее спектакли собирали больше всего посетителей. У нее был талант – она могла сделать любую историю живой, наполненной смыслом.

– Мои консервативные родители не хотят этого принимать. Они считают, что это несерьезная профессия, что нужно быть взрослым человеком и найти наконец «нормальную» работу. Знаешь, даже не в консерватизме дело, – она посмотрела на меня с задумчивостью, – они придумали правила, по которым надо жить, по которым они живут сами, и считают, что я тоже должна.

Она резко замолчала, будто поняла, что сказала что-то лишнее. Через пару минут молчания Эми продолжила:

– Знаешь, мне больно об этом говорить. Такое ощущение, будто я их совсем не люблю и не уважаю. А на самом деле все наоборот, ты знаешь, я их безмерно люблю. От этого и больнее.

Я понимала ее. Так и бывает: самые дорогие нам люди причиняют больше всего боли, может, неосознанно, но все же это происходит. Эмити было больно даже от того, что она говорит что-то нелестное в адрес своих родителей. Я не сомневалась, что ночью перед сном она будет ругать себя за это.

– Мне должно становиться лучше от того, что я тебе все это рассказываю? – Подруга взглянула на меня с вопросом в глазах.

– В идеале – да, но, зная тебя, сомневаюсь, что тебе станет легче. – Я погладила ее по волосам.

– Да... – вздохнула она. – Мне становится только хуже. Мое ужасное чувство вины не дает мне жить: у меня ощущение, будто я предаю родителей, рассказывая тебе о них в таком ключе.

Бедная моя девочка...

– Знаешь, а ведь я раньше боготворила их. Наверное, поэтому так ненавидела себя, стоило мне допустить маленькую оплошность, я винила себя. Родители не ругали, могли поговорить со мной, но не ругали. А я себя всем сердцем ненавидела, потому что считала, что ужасно подвожу родителей, что я отвратительная дочь и они, конечно, заслуживают луч-

шего. Не знаю, почему так происходило. – Она закрыла лицо руками. – Я их правда очень люблю, но мне сложно с ними. Они сделали для меня все возможное, но их взгляды, сформированные общественным мнением и правилами, которые устанавливали их же родители... мне очень сложно с этим смириться. Да я и не хочу с этим мириться, потому что буду несчастна, если буду жить по их правилам.

Эми замолчала. Она будто обдумывала что-то. Ее глаза бегали по комнате, будто пытались найти ответ следующий вопрос, который она задала:

– А что мне делать?

У меня не было ответа на этот вопрос. Я не видела выхода. Она слишком любила родителей, чтоб ограничивать с ними общение. Но иногда это общение выводило ее из строя на недели, в такие моменты я старалась чаще ее приглашать к себе, чтоб она отвлекалась хотя бы на время, это помогало лишь на период, когда Эми была у меня. Она была слишком сильной, чтоб сломаться, но каждый раз, когда происходило то, что делало ей больно, в ней происходили перемены. Менялась она и сама и больше не становилась прежней.

Раньше Эмити имела огромные запасы терпения по отношению к людям. Сейчас я вижу, что она поменялась, потому что жизнь показала ей не лучшую свою сторону. Каждый раз, когда подруга испытывала боль, в ней возникала обида, которая затем превращалась в ненависть – больше к себе, чем к кому-то. А все потому, что она никого никогда не могла ви-

нить, всем придумывала оправдание. Эмити просто винила обстоятельства. Ей не на ком было выместить гнев, поэтому он пожирал ее изнутри. Да, она стала сильной, невероятно сильной, но от этого она не была счастливее. Со временем ее запасы терпения уменьшились: у нее больше не было желания все всем прощать. Но сердце все равно старалось понять всех и каждого, а это отнимало немало сил.

Я верю, что когда-то, когда у нее все наладится – уверена, что так и будет – Эмити будет по-настоящему счастлива.

– Знаешь, я безмерно благодарна судьбе, которая свела нас с тобой. – Я убрала ее волосы с лица – Я благодарна ей, потому что мне так повезло с такой подругой: ты невероятная, – с восхищением сказала я. – Невероятно сильный, невероятно смелый, невероятно светлый и любящий человек.

На глазах подруги заблестели слезы.

– Все твои качества и не перечислишь. Просто знай, что ты заставляешь собой восхищаться, правда.

– Зачем это все нужно, если я не могу найти общий язык с родителями? – всхлипнула Эмити.

– Родная, у вас обязательно все наладится! Знаю, сейчас сложно. Но трудности не вечны, так ведь? Я знаю, ты устала. В конце концов, родители очень любят тебя, ты это знаешь. Проблема отцов и детей всегда была, есть и будет. Но свет в конце туннеля близок – у тебя обязательно появится возможность жить так, как считаешь нужным. Уверена, родители увидят, что ты счастлива, и примут все как есть. Знаешь,

почему? Потому что ты такая же упрямая, как они. Я верю в тебя.

– Я очень хочу верить, что все, что ты говоришь, исполнится.

– А сейчас тебе нужно время наедине с собой, – продолжала я. – Если хочешь, можешь пожить у меня.

– Да, ты права. Сейчас и у родителей, и у меня пик раздраженности и недопонимания. Я знаю, что сейчас воспринимаю все острее, потому что у меня не осталось сил и терпения. Нам надо отдохнуть друг от друга хотя бы неделю, мне должно это помочь... обычно помогало. Мне нужно уехать.

– Ты уже решила, куда поедешь?

– Да, я поеду к брату. Он давно звал меня в гости, но у меня все никак не получалось поехать.

У брата Эми был дом за городом. Сам он работал днями напролет, возвращаясь домой лишь поздно ночью. Раньше мы с Эми часто ездили к нему в гости и, бывало, жили там целую неделю.

– Смогу наконец побыть одна. Это всегда помогает. – Она повернулась ко мне. – Я буду рада твоей компании.

– Я очень рада, что тебе есть куда поехать! Я бы с удовольствием, правда, но сейчас я готовлю свою первую сценку, ты и сама знаешь... я очень волнуюсь! Только об этом и думаю. Боюсь, что у меня ничего не получится.

– О, прекрасно тебя понимаю. Сама через это проходила. – Эмити взбодрилась, когда речь пошла о театре. – С

нетерпением жду момента, когда буду вручать тебе цветы в конце выступления. Я ни капли не сомневаюсь, что ты справишься, потому что у тебя особый склад ума, – она показала на висок, – твою историю полюбят. Конечно, не так, как меня, но все же.

Я рассмеялась и толкнула ее на пол, она потянула меня за собой. Так мы, лежа на полу и заразительно смеясь, проживали один из лучших моментов нашей молодости. Да, в нашей жизни присутствовали огорчения и печали, но вместе нам удавалось забыть обо всем плохом хотя бы на время и просто наслаждаться жизнью – той, которую мы проживали здесь и сейчас. Эмити невероятно любила жизнь – это качество я в ней обожала. Казалось бы, она прошла через многое, что могло ее сломать и сделать мрачной и сломленной, но нет, все произошло с точностью наоборот. Эмити стала сильной, уверенной в себе, оптимистичной девушкой, я восхищалась ею и всегда хотела быть такой. А мне было далеко до этого.

«Наверное, – подумала я, – нужно пройти тернистый путь, чтоб полюбить жизнь и себя».

Глава 3. Мари

Уже через месяц я должна была выступать со своей постановкой в театре. Я ужасно переживала и не могла спать ночами. Как только моя голова опускалась на подушку, всевозможные мысли атаковали меня.

– Ты еще не спишь? – спросила сестра.

– Я пытаюсь... уже часа два.

– Кошмар, Мари, может, успокоительное выпьешь?

– Уже две таблетки выпила – не помогает.

Сестра посочувствовала мне и легла рядом. Через минуту она уже спала, а я все еще пыталась.

Я никак не могла успокоиться, и это сказывалось как на внешнем виде, так и на самочувствии. Так как я не была любителем косметики, люди, конечно, замечали и те и другие изменения. Что тут говорить – каждый считал себя обязанным сообщить мне об этих изменениях не в лучшую сторону.

– Мари, что с тобой? – спрашивали коллеги в театре.

– А что со мной?

– Ты не болеешь, случайно? – Обеспокоенно осматривали они меня, то ли боясь заразиться, то ли действительно волнуясь за меня – этого я не знаю.

– Да нет, все хорошо. Просто плохо спала.

Так я отвечала практически каждый день.

Усталость была видна в моих синяках под глазами, тревожность – в сухих покусанных губах. Мои приемы пищи уменьшались как в частоте, так и в объеме: об этом можно было догадаться по моей бледности и исхудалости. Мне совсем не хотелось есть, иногда я забывала о еде, а иногда мне становилось плохо от нее – так сильно я переживала.

– Милая, съешь хотя бы еще один кусочек хлеба, – уговаривала меня мама.

– Мамуля, честно, я уже не могу, я наелась.

– Ты так себя доведешь, это не дело! Меня волнует твое здоровье, смотри, как ты исхудала за последнее время!

– Хорошо, я съем кусочек.

Хотелось бы упомянуть и о том, что изменение моего внешнего вида в худшую сторону также повлияло на мое настроение. Я стала еще меньше нравиться себе. Каждый раз, когда я проходила мимо зеркала, внутри возникало чувство отвращения к своему отражению.

Практически каждую секунду своего времени я думала про все, что связано с моим сценарием. Хотелось продумать каждую мелочь. Я настолько погрузилась в работу, что практически забылась во времени. Так прошел месяц. Мой организм был на пределе, но голова работала.

Наконец, настал день выступления.

Оказывается, жизнь тоже готовила для меня свой сценарий.

– Думаю, вам надо будет прийти сегодня пораньше, чтоб занять места, – сказала я и взяла кусочек хлеба со стола.

Проснулась я в приподнятом настроении, что удивило мою семью: они считали, что в день выступления я буду сама не своя. Но почему-то мне было так спокойно, казалось, что меня ничего не пугает и все будет хорошо.

Кто же знал, что это было затишье перед бурей...

Мы завтракали с сестрой и папой. Мама была на ночном дежурстве в больнице.

– А ты не сможешь попросить организаторов занять нам места получше? – спросила Элен.

– Я попробую, но не уверена, что получится, – я пожалала плечами. – Папа, во сколько ты сегодня освободишься?

– В шесть вечера, – он улыбнулся мне, – я как раз успею, не переживай.

– Я и не переживаю, – произнесла я и сделала паузу. Это говорю я?

Сестра с отцом посмотрел на меня с удивлением.

– Мари, все хорошо?

Теперь я начала переживать.

– Не знаю... – растерянно оглянулась я по сторонам.

Папа подошел и обнял мое лицо руками.

– Мари, мы видели, как ты готовилась к этому мероприятию, ты отдала всю себя настолько, насколько это возможно. Вы отлично выступите, я уверен. Мы все уверены.

– Да, все пройдет отлично! – присоединилась сестра. –

Как может пойти что-то не так, если ты днями и ночами не спала, чтоб все организовать, и о каждой мелочи подумала.

– Да... – неуверенно произнесла я. Мне было непонятно свое состояние. – Все будет хорошо, – уверенней сказала я.

– Вот и отлично! – обрадовался папа и обнял меня.

Высвободившись из объятий, я сказала:

– Да, еще хотела сказать: после выступления не ждите меня, мы с группой будет праздновать наш успех... или провал, – я улыбнулась.

– Как ты доберешься домой? Тебя встретить? – спросил папа.

– Меня проводит Саймон, – ответила я и заметила взгляд сестры – она хитро улыбалась.

– Хорошо. Ну что ж, девочки, я пойду. Работа не ждет.

Отец вышел из комнаты, и сестра тут же под села ко мне с вопросами.

– Так ты все-таки ответила Саймону?

– Что? Нет! И ты уже знаешь мое мнение на этот счет.

– Но он же собирается тебя провожать!

– И что? Это вовсе не значит, что я согласна быть с ним.

Мы же друзья, и его чувства этого не изменили.

– Ну не знаю...

– Элен, я не чувствую к нему ничего, отношусь к нему с теплом, но как к брату. Мы все-таки с детства вместе, понимаешь? И он об этом знает. Мы друзья, и это нормально.

– Хорошо, хорошо, я поняла тебя, – она подняла руки,

будто сдалась. – Тебе пора идти, иначе опоздаешь.

– Не опоздаю, у меня все рассчитано, – улыбнулась я в ответ.

Элен ответила тем же и встала из-за стола.

– Кто бы сомневался.

Я же могла себе позволить посидеть еще десять минут в одиночестве. Взяв в руки свою кружку нежно-зеленого цвета, я наслаждалась вкусом любимого напитка – красного чая.

– Ну что, все готовы? – спросила я у своей труппы.

– Да! – хором ответили мне все.

– И помните, если забыли текст...

– Импровизируйте, – перебили меня ребята. Конечно, они знали это, ведь я повторяла эти слова всего тысячу раз.

Я кивнула и улыбнулась. Во мне перемешались надежда и страх.

Это был важный день. Я надеялась, что он будет счастливым. Со мной были мои друзья и родные, сбывалось то, о чем я так долго мечтала.

Наверное, настало время для того, чтоб рассказать про мою постановку. Она была очень важна для меня, я полюбила ее всем сердцем. О чем же рассказывала эта пьеса? Это была история настоящей любви. Любви к жизни и людям, о прощении и доброте. Обо всем том, чего не хватает в реальности. Пьеса была о нас – о людях, с которыми происходит горе. О людях, которые немало страдали и проходили нелег-

кие испытания... Но мои героини сильные: благодаря любви, они смогли преодолеть все. Да, настоящие героини. Пьеса называется «Моя героиня. Мой герой».

Ко мне подошла Анна, одна из актрис, и приобняла:

– Мари, мы сделаем все возможное, чтоб осуществить твой замысел.

– Верю, – улыбнулась я в ответ.

Пьеса полюбилась актерам, поэтому каждую репетицию они выкладывались настолько, насколько могли. Они не меньше моего хотели, чтобы все получилось. Я очень надеялась, что моя история откликнется в сердцах зрителей.

Стоя за сценой, я тайно наблюдала за людьми: сидеть в зале я не могла, слишком велико было мое волнение.

Настало время, и свет погас. Началось. По всему телу разлился жар: теперь от меня ничего не зависит. Все, что я могла, сделала.

Спустя час я стояла на сцене и слушала громкие аплодисменты от зрителей. Люди стояли и хлопали. Это был успех.

Радость переполняла меня. В тот момент я думала, неужели возможно быть такой счастливой? Кажется, именно эти мысли стали вызовом для вселенной, и она решила показать мне обратную сторону счастья.

Глава 4. Мари

Наш пир продлился дольше, чем мы планировали. На часах стукнуло три часа ночи, когда я решила, что мне пора домой. Саймон сидел недалеко от меня, я подозвала его.

– Может, пойдём? У меня уже глаза закрываются, не хочу тут уснуть.

– Хорошо, я схожу за куртками, а ты пока собирайся.

Попрощавшись со всеми, мы ушли. Дорога до моего дома обычно длилась двадцать минут, но зимой она занимала больше времени. В этот раз мы решили пойти дворами, чтоб сократить путь – обычно я так не ходила, потому что даже в светлое время суток здесь было темно. Но с Саймоном мне было не страшно, поэтому я не спорила, когда он предложил эту дорогу.

Мы шли с Саймоном и оживленно беседовали. Мороз взбодрил меня, поэтому я не умолкала ни на секунду. Во-первых, я была очень воодушевлена. Во-вторых, я боялась, что как только я перестану говорить, мой друг снова начнет его излюбленную в последнее время тему о том, что я ему небезразлична, и вновь попросит у меня шанс завоевать себя. Я потратила лишь пять секунд на то, чтобы дать этой мысли сформироваться в голове, и Саймон будто прочитал ее и, конечно, воспользовался этой недолгой паузой, чтоб заговорить о том, что я не хотела слышать.

– Мари... я хочу вернуться к нашей теме...

– Что за тема? – спросила я, но прекрасно понимала, о чем он.

– Тема под названием «мы».

– Ты про роман Замятина¹? – пыталась я как можно дальше продлить этот момент моего недопонимания.

Он резко остановился, схватил меня за плечи и повернул к себе.

– Про роман – да, но Замятин тут совсем не причём.

Я стояла и смотрела на него, думая, что ответить. Я совсем не боялась, что он может совершить какое-то неуважительное действие по отношению ко мне. Нет. Он был моим другом и знал, что после этого я легко распрощаюсь с нашей дружбой. Такое любят в кино, а я ненавижу. Видимо, люди решили, что таким действием герой не дает времени девушке на раздумье и она в сей же момент влюбляется в него. Забавно. Как мне кажется, должно быть наоборот: она должна в тот же момент возненавидеть его, ведь он наплевал на все – в первую очередь, на саму девушку. Его действие говорит о том, что он не уважает ее и ему наплевать на ее мнение. Герой в этот момент думает лишь о себе и о своем желании. Вот так вот за минуту я развеяла иллюзии и превратила для многих любимый романтический жест в оскорбительное поведение. Так о чем я? Ах да, продолжу рассказывать о нашей

¹ «Мы» – роман-антиутопия русского писателя Евгения Замятина, написанный в 1920–1921 годах.

беседе.

– Какой роман, Саймон? – спокойно начала я. – Ты мне как брат...

– Вот только не надо, пожалуйста, – резко бросил он и отвернулся от меня.

Я положила руку на его плечо.

– Саймон, прости, но я не могу дать то, что тебе нужно. У меня никогда ни к кому не было чувств.

– Вот именно! Может тебе просто неизвестно это чувство, – развернулся он ко мне. – Я покажу тебе свою любовь, и ты узнаешь.

– Пойми же ты наконец, мы не сможем быть вместе...

– Дай мне хотя бы попробовать тебя переубедить...

– Саймон, – перебила я его и сказала уже строго, – если ты продолжишь, мы не сможем больше быть друзьями, так и знай. Я себя знаю и знаю, когда могу переступить через себя, а когда нет. Знаю, что мне нравится, а что нет. И уж точно знаю, кого я люблю, а кого нет.

Кажется, эти слова прозвучали слишком резко и грубо, но этого было уже не изменить. Он застыл на месте. Посмотрел в сторону и зло ухмыльнулся. И, видимо, решил дать мне ответный удар.

– Не знаю, Мари, как я вообще смог тебя полюбить? Таковую холодную и бесчувственную! И не представляю, сможет ли кто-то вообще когда-либо любить тебя... – Он сделал паузу. – Не представляю, – повторил он и замотал головой.

Что ж, может, я была и вправду такой бесчувственной или просто слишком хорошо понимала его, но эти слова ни капли не задели меня.

В этот момент мы слышали крики. Это был женский голос, моливший то ли о помощи, то ли о пощаде.

Мы переглянулись с Саймоном. Я направилась в сторону голоса, но мой друг попытался остановить меня, ухватив за локоть. Мне это не понравилось.

– Подожди, ты что делаешь?

– А ты не слышал? – недоуменно спросила я и вырвала руку.

– Хочешь, чтоб и тебя убили?

– Ты это серьезно? Не понимаешь, что ей нужна помощь? Я иду, а идешь ли ты, это твое решение.

Крики уже не были такими громкими, слышалось скорее мычание. Она была поблизости.

Я продолжила свой путь. Саймон поплелся за мной.

– Давай мы просто включим полицейскую сирену на телефоне, он испугается и сбежит, – прошептал Саймон.

– Да, испугается, убьет девушку, потому что она его видела, и потом уже сбежит, – со злостью бросила я.

Мне удалось подойти максимально близко к источнику звука. Я поняла, что все действие происходит за углом. Нужно было срочно что-то решать, но ничего не приходило в голову.

– Вызывай полицию, – прошептала я Саймону, – преду-

преди, чтоб они не включали сирену.

Он отошел, вытащил телефон и начал что-то набирать.

За углом было темно. Звуки затихли. Я подумала, что опоздала и он уже убил ее. На свой риск и страх я решила заглянуть за угол. И сразу поняла, что совершила большую ошибку.

Я увидела дуло пистолета, направленное прямо на меня.

– Подними руки, —спокойно произнес человек за углом.

В темноте было не очень хорошо видно его лица. Но что я заметила, так это то, что он был... обычным. Да, ничем не примечательный мужчина. Думаю, я бы даже не узнала его, если бы где-то увидела его второй раз – в обычной жизни, конечно. Сейчас его лицо уже впечаталось мне в голову на всю жизнь – так я решила в тот момент. Единственное отличительное качество – его левая рука, в которой он держал пистолет. Она была вся в шрамах от ожога, мне так показалось.

Я послушалась и подняла руки.

– Ты, кажется, хотела помочь ей? – Он указал на девушку, которая лежала на снегу позади него. Она закрывала лицо руками, которые были в крови. – Так? Хотела ей помочь? – Он сорвался на крик, но следующие слова произнес тихо. – А что, если я тебе скажу, что ты ни ей, ни себе уже не сможешь помочь?

Сердце упало. Но у меня была надежда, ведь Саймон был рядом. Я не смотрела по сторонам, потому что не хотела по-

казывать этому человеку с пистолетом, что не одна. У меня не было уверенности в том, что преступник не знает этого, но рисковать мне не хотелось. Поэтому никаких знаков подать я не смогла. Да и Саймон вызвал полицию, поэтому я просто должна потянуть время...

– Что вы делаете? – задала я рискованный вопрос.

Я услышала смешок.

– Неужели ты не знаешь, что бывает с девушками, когда они одни гуляют по ночам?

Его слова вызвали во мне чувство отвращения. Так и хотелось плюнуть ему прямо в лицо. Но я перетерпела этот момент и продолжила:

– Вы думаете, что вам ничего за это не будет?

– Поверь, дорогая, со мной точно ничего не будет.

Он сказал эти слова с такой уверенностью, что я даже поверила ему. Наверняка, это не простой человек. У него есть связи.

Теперь мне действительно стало страшно. Что будет, когда этот человек узнает, что я не одна? Он ведь сразу убьёт и меня, и эту девушку, и Саймона. Я была уверена, что он не станет рисковать и оставлять свидетелей.

И тут он резко спросил:

– С тобой никого нет?

– Нет, – незамедлительно ответила я, но он, конечно, не стал верить мне на слово.

Тень двинулась ко мне, и я испугалась. Я не видела Сай-

мона и не была уверена, что он спрятался. Мне нужно было дать ему знак...

Но как? Любое резкое движение может убить меня. Но я решила рискнуть. Я сделала вид, что кашляю и повернулась в сторону, откуда пришла. Хотела подать знак хотя бы глазами... но...

Как оказалось, предупреждать было некого. Парень с пистолетом, конечно, не упустил мое странное поведение. Я все еще смотрела в другую сторону. Не могла не смотреть. Я видела отдаляющийся от меня силуэт моего друга. А затем я почувствовала резкую боль в голове и погрузилась в сон.

Глава 5. Мари

Меня разбудил крик. Мой собственный крик. Смутные силуэты окружили меня. Кто это? Что им от меня надо? Я слышала какие-то отголоски слов, но ничего не понимала. Я пыталась вырваться и кричать, чтоб меня не трогали. Кто-то взял мою руку. Как больно... что они делают? Я почувствовала, как игла проскользнула в мои вены. Я снова провалилась в сон.

Темнота. Она наполнена чем-то... голосами... запахом крови... и криками:

– Стой, отпусти! Отпусти!

Удар в лицо.

– Не смей! Не трогай меня!

Удар в живот.

– Нет, не надо, нет...

Темнота.

– Не надо, нет...

– Мари?

– Отпусти, отпусти!

– Мари, Мари! Я рядом, не бойся, я рядом. Мари, я с тобой.

Я открываю глаза. Это был сон? Я бредила? Но мне казалось, что я что-то видела... Я чувствовала боль.

Я увидела перед собой сестру. Элен, моя родная Элен. Ты

рядом со мной, неужели это был кошмар? Страшный сон?

Ее глаза полны страха и сострадания. Глаза, красные от слез и бессонных ночей. Осознание всего разом рухнуло на меня в один миг. А вместе с тем пришла невыносимая головная боль.

– Это был не сон... – прошептала я тихо, но этого было достаточно, чтоб сестра услышала.

– Мари, все будет хорошо. Теперь я рядом.

– Теперь да, – ответила я, но тут же пожалела о сказанном. Я сделала ей больно. Ей не меньше меня хотелось, чтоб всего этого не было.

Ее глаза будто молили о прощении.

Я ту же пожалела о своих словах:

– Прости, я... я не знаю. – Моя голова опустилась.

– Нет, не извиняйся! Мы все виноваты в этом: нас не было рядом, когда мы были нужны... – еле сдерживая слезы, произнесла Элен.

– Нет... – Я помотала головой. – Не надо так говорить... пожалуйста... Вы не виноваты.

– Мари...

У меня болела каждая клетка моего тела. От этой боли у меня наворачивались слезы.

– Элен, дай мне зеркало.

– Не думаю, что тебе сейчас это нужно, Мари. Не надо...

– Прошу, дай зеркало. – Я смотрела на нее, не отрываясь.

Она понимала, что я не отступлю.

Мои ожидания оправдались: лицо было в кровоподтеках, синяках и царапинах. В добавок ко всему отек сделал мое лицо большим и бесформенным. Это было страшное зрелище. Я убрала зеркало и закрыла глаза. Вздохнув, я продолжила:

– Знаешь, я совсем не хочу этого, но пытаюсь вспомнить... всё.

Я посмотрела в глаза Элен.

– Я почти ничего не помню, но... может, так лучше?

В голове было столько мыслей. Я не знала, что случилось. Не помнила. Очень боялась, что узнаю ужасное.

Элен ничего не говорила. Думаю, она не знала, с чего начать.

– Элен, скажи... нет... я не знаю, хочу ли это знать...

Минуту я размышляла об этом, но все же решилась спросить.

– Неужели он?.. – с ужасом в глазах я посмотрела на сестру в надежде на отрицательный ответ.

Сестра сразу меня поняла.

– Нет, нет, нет, нет, – замотала головой сестра. – Он тебя не тронул.

Я закрыла лицо руками и выдохнула.

– Но та девушка...

Я резко посмотрела на сестру, будто что-то вспомнила.

– Он бил ее, я слышала крики. Как она? Она тоже в больнице? Кто нас нашёл?

– Она... – сестра отвела взгляд. – Ее...

Она всхлипнула.

– Нет...

– ...убили.

Резкий вдох отозвался болью в области рёбер. Глаза расширились. Мне вдруг нечем стало дышать. Я задыхалась.

– Мари! Я вызову врача.

Сестра выбежала из палаты с криками о помощи, а я все так же сидела на кровати, держась за горло в тщетных попытках захватить как можно больше воздуха.

Врач подоспел вовремя: на меня в считанные минуты надели кислородную маску и что-то ввели в вены. Я смогла дышать, и паника начала отступать. Глаза закрывались.

– Ее нельзя сейчас беспокоить, поймите, – слышала я где-то вдалеке.

– Да, я понимаю... она начала задавать вопросы, а я не подумала и сказала...

Остальное я не слышала, мои веки стали слишком тяжелыми – я провалилась в сон.

Когда я открыла глаза, рядом сидели родители. Как оказалось, в больнице я лежала третий день. Мои родные по очереди сидели со мной. Я видела боль в их глазах. Внутри расцветало чувство вины перед ними.

Я не могла поверить тому, что произошло, и постоянно прокручивала события той ночи в голове.

– Как звали девушку? – Уточнять, о ком идет речь, не бы-

ло смысла: сестра все понимала.

– Марта.

– Сколько ей было лет?

– Двадцать четыре.

Марта... красивое имя. Ассоциируется с весной.

У неё была вся жизнь впереди. Были надежды, заветные желания, планы, цели... Всеми этому теперь не суждено сбыться. Наверняка она хотела быть счастливой. Хотела улыбаться каждый день. Хотела встречаться с друзьями, наслаждаться каждой минутой. А может, в планах у нее было завести семью – любимого человека и детей.

Сейчас же для Марты все двери были закрыты.

Сколько боли было внутри, чувство несправедливости и... вина. Я не смогла спасти ее. Смогла бы я это сделать? Наверняка шанс был. Значит, я сделала что-то не так...

Я услышала спор родных за дверью палаты. Они перешёптывались, но было件нятно, что кто-то из них чем-то недоволен.

Через несколько минут зашли родители и папа сказал:

– Мари, мы решили, что ты должна знать. – Я посмотрела на маму – она явно была против этой идеи. – Завтра будут похороны этой девушки...

– Марты, – произнесла я.

– Да, Марты. Если ты хочешь, мы можем пойти туда вместе.

– Я пойду, – незамедлительно ответила я, не оставив маме

шанса отговорить меня.

Что с убийцей? Он продолжает жить своей жизнью? Возможно, у него есть семья, дети. А если он не первый раз такое проделывает? А если он захочет найти меня? Я ведь видела его.

По телу пробежали мурашки.

Ко мне приходила полиция, чтоб узнать все детали. Мой рассказ вышел скучным, потому что многое я забыла, мне сказали, что это из-за удара по голове тупым предметом. Я знаю, что это был за тупой предмет – пистолет. Его я помнила.

А еще я вспомнила Саймона. Вспомнила его предательство. Как он мог так поступить? Человек, который говорил, что любит меня. Мой друг. Об этом мне меньше всего хотелось думать. Мне вообще ни о чем не хотелось думать. Но каждую минуту все новые и новые мысли заполняли голову – я не могла это контролировать.

– Как нас нашли? – спросила я у мамы.

– Один мужчина проходил мимо и увидел вас...

– Марта была уже мертва?

– Да... вас нашли ближе к утру. Мы так волновались – все звонили Саймону, но он не отвечал. Его телефон был недоступен.

К обиде на Саймона прибавилось чувство отвращения. У меня была надежда на то, что это все-таки он позвонил в полицию.

– Твои друзья говорили, что вы ушли раньше. На твой телефон мы тоже звонили, сначала гудки шли, а потом он также был недоступен. Полиция предположила, что убийца могу выключить его или же могла сесть батарея.

– Точно нет, телефон был достаточно заряжен... – взволнованно сказала я и привстала.

– Они уже проверили телефон – на нем не было отпечатков, кроме твоих, – перебила меня мама, поняв мою мысль.

– Неужели никаких улик?

– Нам пока не рассказывают все, но, похоже, полиция что-то нашла на месте преступления. Мы все еще ждем.

Я вдруг вспомнила наш разговор.

– Знаешь, мама... он очень уверенно говорил о том, что ему ничего не будет.

– Кем бы он ни был, его обязательно найдут. Этот... монстр никуда не денется. Его найдут и накажут.

Мой взгляд стал отрешенным.

– Но это ничего не исправит. Это не вернёт жизнь Марте.

Мама не ответила. По моим щекам покатались слезы. Мне было очень больно. Мама взяла меня за руку и погладила.

– Тебе станет легче. Обязательно станет. Ты ещё будешь счастлива.

Я же в это время чувствовала, что сломалась.

Глава 6. Мари

Проснулась я рано утром. Почти всю ночь мне не давали спать мысли о похоронах. Умывшись, я начала замазывать свои синяки, которые успели пожелтеть. Сестра привезла мне чёрное платье. Мне дали разрешение покинуть больницу не больше чем на три часа, затем я должна была вернуться.

Меня везли в инвалидной коляске: передвигаться своим ходом было все еще тяжело.

Мы вошли в дом, в котором проходила церемония прощания с Мартой. У входа я сразу увидела фотографию – ярко-рыжие волосы обрамляли красивое лицо девушки. Она смеялась. Тогда она и подумать не могла, что жизнь её оборвётся так рано и так несправедливо. Я не могла оторвать от нее глаз.

– Мари?..

Я посмотрела в сторону незнакомого голоса, обращавшегося ко мне, и увидела перед собой мужчину и женщину. У нее были рыжие волосы...

– Мы родители Марты... – она прервалась и посмотрела на фотографию дочери. – Меня зовут Ирма.

– Френк, – представился отец Марты.

– Здравствуйте, – поздоровалась я, – я вам соболезную...

– Спасибо... – Ирма прикрыла рот платком, стараясь

унять свой дрожащий голос, и кивнула.

Френк тем временем дотронулся до ее руки в знак поддержки, его глаза были красными, но он держался. Ирма продолжила:

– Мы знаем, что ты пыталась спасти нашу Марту.

Пыталась...

– Знаем, что ты пострадала.

– Мы просто хотим сказать тебе, что ты очень смелая. И... спасибо, что хотела помочь нашей дочери, – неуверенно произнес Френк.

Я хотела, но не смогла.

Мне было нечего сказать. Я просто кивнула. Никакие слова тут не помогут. Это ужасно страшно: потерять своего ребенка, еще и таким образом. Ненавижу этот несправедливый мир. Как же я его ненавижу...

Мы разошлись по местам, и церемония началась.

– Спасибо всем, кто смог сегодня прийти, чтоб попрощаться с нашей милой девочкой, – голос Имры дрогнул.

Френк продолжил:

– Наша дочь была лучиком солнца – не побоюсь сказать – в жизни каждого из присутствующих здесь. Невероятно жизнерадостная, очень сильная и открытая. Ей не страшны были преграды: она смело шла к своим целям и обязательно добивалась желаемого. Марта была хорошим человеком, таких сейчас очень мало. Она всегда хотела, чтоб люди вокруг были счастливы, и делала все для этого – так она сама стано-

вилась счастливее. Жизнь обошлась с нашей дочкой очень несправедливо, так не должно было случиться.

«Так не должно было случиться...» Она не должна была умереть...

– Мы можем только надеяться, что она в лучшем мире, где ей больше не причинят боли. Теперь она свободна от всей несправедливости.

Мне было плохо. Я чувствовала взгляды на себе со всех сторон. Думаю, все бы они хотели, чтоб вместо Марты в гробу лежала я.

Я снова посмотрела на фотографию – Марта уже не смеялась. На ее щеках были слезы. Она смотрела на меня с надеждой.

– Спаси меня, Мари, прошу, спаси меня, – молила она.

– Я пыталась, – прошептала я в ответ.

На меня посмотрела мама и спросила:

– Ты что-то сказала?

Вдруг лицо Марты озлобилось.

– Ты не смогла! Ты не спасла меня! Ты не смогла меня спасти! – кричала она.

Я закрыла уши руками и повторяла шёпотом:

– Я пыталась, я пыталась, я пыталась...

Мама обхватила мое лицо руками:

– Мари. Мари! Все хорошо, я рядом, все хорошо. Посмотри на меня.

Я взглянула на нее через пелену слез. Она повторила:

– Я здесь, все хорошо. Я рядом.

Папа обеспокоенно смотрел на нас.

– Может, пойдём? – Спросил он.

Я покачала головой. Нет, я должна тут быть.

– Все хорошо, – прошептала я и вновь посмотрела на фотографию Марты. Она снова улыбалась.

После похорон мы вернулись в больницу. Целый день у меня раскалывалась голова. Обезболивающие не помогали. Конечно, мысли не покидали голову. Марта, неужели ты видишь меня?

В конце концов я уснула.

Через некоторое время я услышала:

– Почему ты так поступила со мной?

Я открыла глаз и увидела перед собой... Марту. Вся она была в крови. Все лицо было в синяках и царапинах. Ее одежду... трудно было назвать одеждой: это были лохмотья, перепачканные смесью грязи и крови. Поломанные ногти, синяки на руках и ногах. Это было ужасающее зрелище. Страх и скорбь смешались во мне.

– Ты ведь могла меня спасти, но ты сделала недостаточно, – тихо произнесла она.

– Марта?.. – прошептала я и вжалась в спинку кровати. По коже пробежали мурашки.

– Да, Марта. Или ты уже забыла? Та самая Марта, которую убили. А ты ничего не сделала, – ее голос был наполнен злобой.

– Но я... я пыталась... я хотела помочь... – отвечала я дрожащим голосом. Мне было ужасно страшно.

– И что с того? Где я сейчас? В гробу! – Она нарисовала в воздухе прямоугольник – подобие гроба. Затем открыла в него дверцу и указала на нее. – Я в гробу, – она направила палец на меня, – а ты живая – тут.

– Я ведь не сделала тебе ничего плохого, я же хотела тебе помочь, – старалась оправдаться я.

– Но ты не смогла. За это нужно ответить.

Она медленно приближалась ко мне. Я не знала, что делать. Мгновение – и её руки уже обхватили моё горло.

Надо позвать на помощь.

Как бы я ни старалась, я не могла двинуться. Из горла вырывалось только: «Прости, прости, прости...»

Воздуха становилось все меньше и меньше, и я начала задыхаться.

– Ты не спасла меня, – последнее, что я услышала.

Резкий вдох.

Передо мной была медсестра. Она что-то настраивала на экране. На мне была кислородная маска.

Что это было? Я жива? Это был сон?

– Милая, все хорошо? – спросила медсестра, заметив мое пробуждение.

Я кивнула.

– Давай я сниму с тебя маску, и ты попробуешь дышать сама, хорошо? – Она начала снимать с меня аппарат. Я пом-

ню, что точно засыпала без него.

Все прошло хорошо, я могла дышать самостоятельно. Но разум все еще был затуманен событиями прошлой ночи.

Неужели я схожу с ума?

Здравый смысл никак не мог смириться с картинками, все еще стоящими перед глазами.

Нет, этого не может быть. Ее похоронили. Это так разум играет со мной?

Я ничего не понимала и решила, что просто постараюсь забыть об этой ночи, в конце концов, я жива, а это довольно сильный аргумент на мой... скажем так, сон?

В обед ко мне пришла Эмити.

– Девочка моя, – жалостливо произнесла она, увидев меня.

– Привет, Эми, – я улыбнулась ей. Мне было приятно ее видеть.

– Я приехала сразу, как узнала... – она виновато опустила голову.

– Не стоит переживать, это бы ничего не изменило, – произнесла я и сама удивилась своей резкости. Но эта резкость была направлена вовсе не на подругу. – Произошло то, что произошло.

Она застыла.

– Ммм... да... что ж, – она сделала вид, что пропустила мои слова мимо ушей. – Глупый вопрос, конечно, но... как ты?

Я задумалась. Как я? Я и сама не знаю.

– Нет, не отвечай. Очень глупый вопрос, – она стукнула себе по голове, – извини.

Я благодарно улыбнулась, потому что действительно не знала ответ на ее вопрос.

– Саймон тебе не звонил?

Улыбка с лица Эми исчезла, и теперь на нем читалась враждебность.

– Этот... твой друг, – с ненавистью проговорила она и покачала головой, – он уехал. Не понимаю, как он мог так поступить. Так подло! Как же я его ненавижу. – Подруга посмотрела на меня. – Хотя не мне говорить о ненависти.

– Он мог сделать хоть что-нибудь... возможно, тогда Марта была бы жива.

– Да, его поступок не оправдать. Но ты не должна вообще о нем думать, хорошо? Если человек может спокойно развернуться и уйти от тебя в сложной ситуации, то ты имеешь полное право поступить так же – развернись к нему спиной и больше не поворачивайся в его сторону. Смело вычёркивай этого человека, если его вообще так можно назвать, из своей жизни. Он явно не сделает ее лучше. И да, ты права: как бы грубо и прямолинейно ни звучало, произошло то, что произошло. Для нас важно то, что ты жива, а это значит, что есть большой шанс, что у тебя все обязательно наладится. Ты заслуживаешь этого.

– Но жизнь не настолько справедлива, чтоб все получали

то, что заслуживают, правда?

Эмити взяла меня за руку.

– Да, это так. Но жизнь не при чем. Это все люди. Все, что ты можешь сейчас для себя сделать, – это отпустить. Прокручивание в голове всей этой ситуации тебе точно не делает лучше. Я понимаю, что это не так просто. Нужно время. Нужны любимые люди рядом. Мы со своей стороны сделаем все возможное, но и ты должна постараться.

– Почему я что-то должна делать? – спросила я Эми с долей злости в голосе. – Я просто хочу забыться. Закрывать глаза и забыться. Ни о чем не думать. Ни о чем не беспокоиться. Хочу, чтоб было как раньше. Но уже ничего не изменить, и меня это очень злит!

Я сорвалась. На мою подругу. То, чего я хотела меньше всего.

Она кивнула.

– Все верно. Тебя должно это злить. Все произошедшее – ужасная трагедия. Наверное, рано я начала говорить об исцелении. Я лишь хочу, чтоб ты ни в чем себя не винила: ты сделала все, что было в твоих силах. Ты смелая, Мари. И сильная. Мы все тебя очень любим.

– Я знаю, спасибо. Я тоже вас люблю, – я улыбнулась.

Только вот я ничего не чувствовала – лишь ощущала огромную пустоту внутри, словно черная дыра поглощала все мои чувства и эмоции. Я улыбалась, но за этой улыбкой не стояло ни одной эмоции. Всего лишь маска, которую при-

шлошь натянуть, чтоб не делать близким больно. Кажется, я не воспринимала даже все эти слова всерьёз. Жаль, они бы могли мне помочь встать на верный путь. Но Эмити была права: мне действительно нужно было время.

Прошла неделя, прежде чем меня отпустили из больницы. Каждый день приходил психолог, с которым мне нужно было беседовать, несмотря на отсутствие желания это делать. Мне просто нечего было ей сказать. Про непонятную пустоту говорить не хотелось. Я вообще ни о чем не хотела говорить.

Молчать – вот чего мне хотелось.

Уехать – второе моё желание. Тянуло в родную деревню. Только там я могла дышать свободно. Это стало моим заветным желанием. Хочу в деревню. В свою любимую, милую деревню.

Я перестала улыбаться. Я воспринимала мир как черно-белую картинку в телевизоре. Со мной разговаривали родные, но мои ответы были сухими и короткими. Думаю, у меня просто пропал интерес ко всему.

Конечно, родители и сестра волновались за меня, но они считали, что мне просто нужно время.

Событием недели стала новость – напавшего на нас мужчину задержали. Я должна была пойти на опознание в течение двух дней, в итоге встречу назначили в день моей выписки.

Наверное, вы хотите узнать, что я чувствовала, когда узнала об этом?

Как бы странно это ни звучало, но у меня лишь на секунду кольнуло сердце, а в следующее мгновение мне уже было все равно. Волна безразличия захлестнула меня.

Честно говоря, мне было так неважно, найдут его или нет. Это событие ничего не изменит – Марта не вернется, я не стану счастливее.

Дорога до участка была недалекая, всего пятнадцать минут езды. За окном я смотрела на деревья, которые покрыты снегом. Раньше этот вид радовал меня – сейчас он не вызывает эмоций. Деревья плывут перед глазами, показывая всю свою красоту, но я безучастна.

Нас встретил человек у входа и отвёл в темный кабинет с окном, через которое было видно комнату. Нам объяснили, как проходит процесс: передо мной представят нескольких людей, моя задача – определить среди них убийцу. Я дала согласие на процедуру, и человек вышел из кабинета, оставив меня с мамой и сотрудником. Через минуту включили свет в соседней комнате, и один за другим начали заходить мужчины.

Я сразу узнала его. На руке был тот самый ожог, который я запомнила. А еще эти наглые глаза. Перед лицом всплыло воспоминание – дуло пистолета смотрело прямо на меня. Я сжала подлокотники.

Человек, который был с нами в комнате, заговорил:
– Не спешите. Скажете нам, когда будете готовы.

Я кивнула. Но мой взгляд был прикован к одному лишь

человеку.

– Мда, – слышалось сзади и я обернулась – там стояла Марта. Все та же Марта, которая приходила ко мне в ту ночь: синяки, кровь и грязь на платье никуда не делись. Она взглянула на меня. – Что с твоими глазками? Не рада меня видеть? – с притворной грустью произнесла она.

Я взглянула на маму – она обеспокоенно смотрела на меня.

– Все хорошо? – спросила она и посмотрела за мою спину. Сейчас она тоже увидит ее, подумала я.

Сердце пропустило удар.

Но мама снова посмотрела на меня и задала вопрос:

– Что-то случилось?

Я покачала головой.

– Нет, мне показалось.

Нет, мама ее не видит – это все в моей голове. Я просто придумала эту картинку, на самом деле этого не существует...

– Так и будешь игнорировать меня? – раздался голос за спиной.

Это просто мое воображение, не обращай внимание.

– А ты еще и жестокая, – продолжала Марта.

Я смотрела на убийцу. Он будто смотрел прямо за мою спину... на Марту?

– Ты тоже видишь это? – заинтересованно спросила Марта.

Я прокашлялась.

Марта прошла мимо меня и встала вплотную к стеклу.

– Ну здравствуй, – произнесла она, смотря на убийцу.

Тот стоял и не двигался.

Неужели убийца видит ее?

От этой мысли мне стало холодно. В то же время я почувствовала небольшое облегчение – так я не схожу с ума?

Но в глазах этого мужчины не было ни капли страха.

– Мари, ну что, почему молчишь? – продолжала Марта.

Я посмотрела на маму.

– Ах да, ты же не можешь разговаривать с призраком, когда рядом люди, которые не видят его. Верно?

Я незаметно кивнула. Было страшно, но не так, как в больнице: сейчас я была окружена людьми. Но присутствовал другой страх: если я поведу себя как-то странно, люди решат, что я сумасшедшая. Поэтому у меня не было выбора – я просто сидела и молчала. В то же время по коже разливались мурашки.

– Что ж, можешь не отвечать. Сегодня я говорю, а ты слушаешь, – Марта улыбнулась, и мне стало еще более некомфортно.

Поежившись на кресле, я снова посмотрела на убийцу.

– Номер три, – послышался мой голос.

Неуверенный, тихий, полный страха голос. Мне стало страшно жить.

Сотрудник сделал пометку в своем блокноте.

– Еще пару вопросов, и мы вас отпустим, – сказал он.

Конечно, мне не хотелось отвечать ни на какие вопросы. Я лишь ждала момента, когда окажусь дома, спрячусь в своей комнате, укурюсь одеялом и усну. Надолго. Может, навсегда.

Страх, который поселился у меня в сердце, был настолько велик, что я даже представить себе не могла, как от него избавиться. Больше не было представлений о том, что я хочу делать: чувствовала себя ничтожной песчинкой в огромном океане.

Когда я выходила из комнаты, Марты уже не было.

Оказавшись дома, я захотела принять ванную. Я оставила ее наполняться водой и вернулась в комнату. Я разделась и встала перед зеркалом в одной сорочке.

На меня смотрела девушка – неуверенная в себе, скованная, истощенная. В глазах ее читалась печаль и страх. А еще капля надежды. Она была бледной, темные круги под глазами стали отчетливей. Синяки все еще украшали тело – руки, ноги, живот... Исхудавшая, еле держащаяся на ногах. Я смотрела на нее и не видела ни капли схожести с той, которую видела раньше в этом зеркале. Отойдя от него подальше, я снова взглянула на отражение. Ничего не менялось.

– Какая страшная...

Я подошла и накрыла зеркало покрывалом. Затем поплелась в ванную – вода почти доходила до краёв. Я залезла в нее, выплескивая воду за бортики. Погрузившись с головой, я опустилась на дно ванной.

Раз, два, три...

Мне так страшно.

Четыре, пять, шесть...

Я ничтожество.

Семь, восемь, девять...

Зачем я нужна в этом мире?

Десять, одиннадцать, двенадцать...

Может, мне стоит уйти?

Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать...

Мама, папа... вы мне поможете?

Шестнадцать, семнадцать, восемнадцать...

Резкий вдох.

– Страшное зрелище, – скучно сказала Марта, смотря на меня, она сидела на краю ванной. – Ты что, убить себя хотела? Думаешь, это так легко?

Громкий смех разлился по комнате.

– А не считаешь это эгоизмом, дорогая? Ты хоть представляешь, как это глупо?! – она сорвалась на крик. – Кого-то, кто страстно хочет жить, убивают. А кто-то сам – добровольно – готов отдать свою жизнь. Это нечестно!

Я посмотрела на нее со страхом и тихо произнесла:

– Ты ведь сама не хотела, чтоб я жила. Я помню, в больнице ты пыталась...

– Девочка моя, – перебила Марта, – не нужно воображать, что тебе все известно. Знаешь, – она сделала вид, что задумалась, – я просто передумала. Смерть – это слишком про-

сто.

– Что ты от меня хочешь? Зачем приходишь?

– А ты спроси саму себя. Спроси, – она ткнула меня в грудь. – Себя, – новый толчок.

Образ Мари не изменился. Она была все так же в страшных синяках и крови.

– Что ж, я тебя увидела, – она встала и направилась к выходу, – а ты подумай, – Марта указала на меня пальцем.

Что происходит? Я ничего не понимаю. Я схожу с ума?

Укутавшись в одеяло, я легла спать. Несмотря на уговоры мамы, я отказалась от ужина. Мне просто хотелось спать.

Во сне я видела деревню – родной дом. Я сидела в беседке, смотрела вдаль и чувствовала себя свободной.

– Я хочу уехать домой, в деревню, – одним утром я сказала о своем желании родителям.

Несколько дней мне снилось мое любимое место. Во снах мне было спокойно. Я чувствовала, что там мне станет лучше. В этом городе я больше не хотела находиться.

– Милая, если тебе этого хочется, мы поедем в деревню, – папа даже не собирался оспаривать мое желание. Родные старались делать все, чтоб мне стало лучше.

На мгновение я даже почувствовала что-то вроде радости – сердце забилось чаще. Но в следующую секунду я усомнилась, что правильно поняла ответ моего тела на новость. Мне трудно было себя понять.

В последнее время Марта не появлялась. Правда, счастья я от этого не испытывала, скорее скованность и напряженность: мне казалось, что она может прийти в любой момент. Каждый шорох заставлял меня съеживаться от страха.

Хотелось скорее уехать. У меня была надежда на то, что, сбежав с этого города, я смогу спрятаться от своих мыслей, от страхов и... получается, от себя?

В тот же день я собрала все вещи и была готова ехать сразу, но меня убедили в том, что лучше будет перенести поездку на утро, ведь дорога дальняя. Конечно, мне хотелось скорее оказаться в деревне, но я понимала, что родные правы.

Ночью я, конечно, не могла долго уснуть. Было ощущение, что Марта вот-вот придет. Мне казалось, она узнает мой план. Узнает, что я собираюсь сбежать, в том числе и от нее. Боялась, что она не даст мне этого сделать. Каким образом? Я не знаю... Страх – чувство не всегда рациональное. В конце концов я уснула.

Рано утром мы с папой начали наш путь. Ближе к обеду следующего дня цель была достигнута.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.